

ХИРУРГИЯ
СОХРАНЯЕТ
ЖИЗНЬ

*Большие
люди
делают
большое
добро*

МОЙ ДЕТСКИЙ ХИРУРГ

Маленькое сердце

Екатерина Свет
Таня Белкова

Таня Белкова

**Мой детский хирург.
Маленькое сердце**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой детский хирург. Маленькое сердце / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

В первую же ночь в центре детской хирургии мне приходится бороться не только за жизнь крошечной девочки, но и за право быть услышанной. Я — Вера Смирнова, детский невролог. Здесь мои научные работы никого не впечатляют. Кроме Матвея Радова — огромного хирурга с руками ювелира и сердцем, которое он прячет за спокойным голосом. Рядом с ним я забываю об усталости и слишком остро чувствую каждое прикосновение. Но в отделение привозят сына миллиардера. Его отец привык покупать всё, а больничное начальство готово уступить деньгам. Мы с Матвеем отказываемся. Теперь под ударом наши карьеры, маленький пациент и чувство, которому между ночными дежурствами так трудно дать имя.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой детский хирург. Маленькое сердце

Мой детский хирург. Маленькое сердце

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Полночь в Федеральном научно-клиническом центре пахла озоном, горячим пластиком автоклавов и вьёвшимся в стены хлоргексидином. За панорамными бронированными окнами приёмного бокса ОРИТН бушевала майская гроза: водяная стена хлестала по стеклу, размывая огни ночной Москвы в тревожные лиловые пятна.

Это было моё первое ночное дежурство после перевода из академического НИИ педиатрии. Для здешней бригады я оставалась чужаком — кандидатом наук с пачкой публикаций о нейроонтогенезе, на которую дежурные врачи стационара поглядывали с иронией. В их глазах незрелый мозг недоношенного был лишь придатком к лёгким и сердцу, а мои протоколы «Гнезда покоя» и непрерывной церебральной оксиметрии — кабинетным барством, непригодным для детской реанимации.

Но времени на споры не оставалось.

Шлюзовые двери распахнулись со свистящим шипом. Влажный холод улицы ворвался в бокс вместе с запыхавшимися фельдшерами санитарной авиации. На каталке дрожал транспортный кувез. Под запотевшим плексигласом билось синее тельце.

— Полина, девочка, двадцать шесть недель гестации, масса восемьсот двадцать граммов! — на ходу бросил старший бригады, срывая очки. — Врождённая атрезия пищевода, нижний трахеопищеводный свищ! По дороге трижды давала апноэ. Сатурация сыплется, в лёгких клокочет!

На мониторе кувеза насыщение крови кислородом падало: 74%... 71%... 68%... Пульс обвалился до восьмидесяти ударов в минуту. Тяжёлая гипоксическая брадикардия.

Дежурный неонатолог Селезнёв — нервный врач тридцати пяти лет — побледнел как мел. Его пальцы судорожно сбили колпачок с инсулинового шприца.

— Адреналин! — выкрикнул он. — Ноль один миллилитра неразведённого в пупочную вену! Струйно! Иначе сердце встанет прямо в шлюзе!

Его рука с обнажённой иглой рванулась к крану пупочного катетера.

— Стоять! — мой голос прозвучал хлестко, как щелчок бича.

Я перехватила запястье Селезнёва у самого порта, сжав пальцы с неожиданной силой:

— Вы с ума сошли?! Неразведённый адреналин струйно при незрелом герминальном матриксе?! Вы разорвёте субэпидимальные сосуды! Хотите кровоизлияние четвёртой степени до прихода хирурга?!

Селезнёв дёрнулся, обжёг меня бешеным взглядом:

— Она уходит, Смирнова! Пока вы диссертации вспоминаете, ребёнок свалится в асистолию!

— Она в аспирационном шоке, а не в асистолии, — отчеканила я. Другой рукой я уже выхватила микросенсор церебральной оксиметрии rSO2 системы INVOS. — Кислород сорок процентов через назальные канюли!

Я прижала датчик на гидрогеле к прозрачной лобной косточке малышки. Монитор вспыхнул изумрудной цифрой: 48%. Кора мозга задышалась, но нейроны были живы.

Селезнёв попытался ввести в ротоглотку девочки жёсткий аспирационный катетер, но пластик застрял, упираясь в голосовые складки. Ребёнок беззвучно выгнулся дугой.

— Уберите этот лом, сломаете хрящи гортани! — я отстранила его плечом, срывая упаковку гибкого силиконового зонда 2,0 Fr с боковым атравматичным окном.

Приподняв головку Полины на пятнадцать градусов вверх, я подушечкой мизинца нащупала яремную вырезку грудины. В просвет трахеи ввела каплю согретого физраствора под давлением в пять сантиметров водного столба.

Слизистая пробка, запечатавшая свищ, размякла. Вакуумный аспиратор тихо втянул ступок. Полина сделала судорожный вдох. Но через свищевой ход воздух хлынул прямо в желудок — крошечный животик вздулся, превращаясь в тугий барабан и поджимая диафрагму к лёгким.

— Зонд не идёт! — крикнул Селезнёв. — Там тупик! Пищевод слепой!

— Потому что он слепой сверху, коллега! — я скользнула кончиком силиконовой трубки по боковой стенке глотки, обходя язычок. Шесть сантиметров... шесть с половиной... Лёгкий щелчок клапана.

Из зонда с шипением вырвалось сорок миллилитров застойного газа. Напряжённый живот опал, диафрагма расправилась. Но тут же запищал термодатчик кожи: 35,1 °C! Холодовая травма грозила срывом гемостаза.

Селезнёв в панике потянулся к тумблеру инфракрасного излучателя:

— Греть на максимум! Срочно сто процентов!

— Не смей! Перегрев вызовет резкую вазодилатацию сосудов мозга и коллапс давления!

Шаг прогрета — полградуса в час!

Его пальцы уже коснулись ручки, когда дверь шлюза с глухим стуком распахнулась.

В бокс шагнул Матвей Радов.

Его фигура в тёмно-синем хирургическом костюме казалась исполинской. Широкие плечи закрывали дверной проём, на лице читалась гранитная концентрация. Без лишних слов он накрыл регулятор обогрева своей ладонью, мягко отстраняя Селезнёва.

— Плавный шаг, коллега, — его голос прозвучал низко, бархатным басом. — Ноль пять градуса в час. Не варите ребёнка. Мы не на войне.

От звука этого спокойного баса девочка в инкубаторе внезапно перестала метаться. Термодатчик показывал, что медленное согревание началось.

Матвей повернулся ко мне. Его серо-голубые глаза полоснули острым взглядом:

— Докладывайте, Смирнова. Коротко.

Селезнёв вклинился:

— Матвей Павлович! Атрезия пищевода со свищом, критический вес. Теоретики требуют стабилизации коры, мы теряем время, надо шить стандартно справа!

Я развернула экран планшета к лицу Радова:

— Взгляните на УЗИ средостения. Редкая аномалия: правосторонняя дуга аорты с aberrантной левой подключичной артерией. Церебральная оксиметрия сорок девять процентов. Если вы войдёте стандартным правым доступом — упрётесь в сосудистое кольцо, пережмёте аномальный ствол и через три минуты получите ишемию ствола мозга. Доступ нужно сместить на тридцать градусов с контролем rSO₂.

В боксе повисла тишина.

Глаза Радова блеснули профессиональным огнём. Он вгляделся в цветную доплерограмму, затем посмотрел на мои пальцы на головке ребёнка.

— Аномальная дуга... — негромко произнёс он. — Селезнёв, отойдите от стола. Смирнова права. Без этой картинки я пережал бы артерию на четвёртой минуте.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и от этого прямого мужского взгляда моё сердце забилося чаще:

— Вы идёте на стол первым ассистентом, Вера Николаевна. Мойте руки.

* * *

До операции оставалось двадцать минут. Пока анестезиологи готовили ребёнка, я бросилась в стерилизационный блок. Мне были жизненно необходимы титановые микропинцеты Castroviejo с алмазным напылением браншей ноль пятнадцать миллиметра — без них братья за ткань пищевода восьмисотграммового недоношенного было безумием.

У стального шкафа с надписью «Экстренная укладка» дорогу мне преградил дежурный техник Кудрявцев. Он лениво жевал зубочистку:

— Не положено, доктор Смирнова. Шкаф опечатан начмедом профессором Дробышевым. Набор только на дневные операции под личную подпись.

— В третьей операционной ребёнок с атрезией! Радов у стола! Немедленно откройте сейф!

— Ключа нет, — осклабился он. — Старшая сестра домой унесла. Берите общехирургический детский комплект.

Общехирургический комплект на младенце был равносителен работе кузнечными клещами. Ярость обожгла меня:

— Если сию секунду не откроете замок, я разобью стекло пожарным багром! А акт подпишет лично Радов!

Кудрявцев потянулся к настенному телефону:

— Я охрану вызову! Под статью пойдёшь!..

Дверь стерилизационной распахнулась от удара массивного сабо. На пороге возникла старшая сестра отделения — Антонина Сергеевна, «Мама Тоня».

Свёрнутый в тугую жгут марлевый рулон со свистом опустился точно на затылок техника.

— Ты кому тут законы читаешь, шельма?! — рывкнула Антонина Сергеевна. — Ребёнка на столе зарезать захотел из-за дробышевских циркуляров?! А ну пошёл вон!

Кудрявцев взвыл и отлетел в угол. Мама Тоня сдёрнула с пояса связку ключей и открыла нижний несгораемый сейф под раковиной.

— На казённые железки даже не смотри, Верочка, — быстро зашептала она, доставая синий бархатный футляр. — Там Дробышев половину швейцарских наборов на дешёвый сплав подменил. Глянь сюда.

Она поднесла казённый пинцет к лупе. Я взглянула в окуляр: на кончике левой бранши зиял скол алмазного покрытия в пятьдесят микрон и грубая заусеница. Наложит такой инструмент на вену ребёнка — и она лопнет.

Кудрявцев заскулил из угла:

— Антонина Сергеевна, я Дробышеву доложу...

Мама Тоня наступила сабо на телефонный провод, выдернув его из розетки с мясом:

— Если хоть звук до начмеда дойдёт, я завтра же подниму накладные по списанному спирту и катетерам. Сгною на складе, понял?

Техник мелко закивал и сам подал стерильный лоток.

Из потайного сейфа Антонина извлекла личный прецизионный набор Матвея Радова — сверкающие матовым титаном инструменты швейцарской ковки. Следом достала экранированный медный блок питания:

— Держи, дочка. Матвей сам паял. Подключишь датчики оксиметрии — ни одной наводки от больничной сети не пропустит.

— Спасибо, Антонина Сергеевна...

Она перехватила мой локоть тёплой рукой:

— Ты Радова не бойся, Верочка. Он три года волком был в этих стенах, когда того кроху семисотграммового не уберёг. Жена его бросила, сказала — каменный истукан, робот со скальпелем. А он живём себя хоронил. Ты первая, при ком у него плечи расправились. Береги его там.

Она сунула мне в карман стеклянный флакон:

— Кортексин сверхвысокой очистки. Личный запас. Если кора на анастомозе дрогнет — капните на адвентицию сосудов. Беги!

Глава

2

Операционная № 3 встретила ровным гулом вентиляционных ламинаров. В центре зала над узким столом нависала белая громада микроскопа Leica M530 OHX.

Полина лежала на столике, укрытая термофольгой. Открытым оставался лишь крошечный квадрат кожи на грудной клетке со спичечный коробок. Я подключила экранированный кабель INVOS — датчик чертил стабильные 62%.

— Скальпель пятнадцать, — скомандовал Радов.

Разрез в четвёртом межреберье длиной два с половиной сантиметра был безупречен. Ни капли лишней крови. Раздвинув мышцы микроретрактором, Матвей вошёл в плевральную полость.

Но отёчное правое лёгкое не спадалось, перекрывая заднее средостение.

— Аппарат давит, — бросил Матвей. — Лёгкое ригидное. Я не вижу свищ.

Я шагнула к наркозному аппарату:

— Уменьшаю пиковое давление вдоха на два миллибара, ПДКВ поднимаю до шести. Дайте лёгкому выдохнуть самостоятельно.

Ткань лёгкого послушно спалась. В глубине раны показался свищ — белёсый тяж диаметром в один и два десятых миллиметра между трахеей и пищеводом.

— Вижу свищ, — напряжённо произнёс Матвей. — Сестра, биполярный коагулятор.

— Нет! — крикнула я. — В двух миллиметрах позади ствол блуждающего нерва! Даже микротермический ожог вызовет остановку синусового узла! Только холодное иссечение!

Матвей на мгновение замер, затем опустил руку:

— Ножницы Ваннаса. Лезвия три миллиметра.

Один щелчок микроножниц — и свищ был пересечён механически, без нагара. Матвей наложил на дефект трахеи узловый шов. Но в ту же секунду монитор за моей спиной завыл прерывистым зуммером.

Цифры rSO₂ рухнули: 54%... 47%... 41%!

— Критическая ишемия коры! — крикнул анестезиолог. — Брадикардия шестьдесят! Мозг девочки задыхался.

— Вводите полиглюкин! — крикнул ассистент.

— Никаких декстранов! — оборвала я. — Зальёте лёгкие!

Я подошла к изголовью. Мои пальцы в перчатках проникли под пелёнку к основанию черепа Полины. Краниосакральная микропальпация: подушечками пальцев я произвела мягкую тракцию тканей шеи кверху силой всего в три грамма. Мышечный зажим яремного отверстия расслабился, венозный отток от полушарий восстановился. Одновременно я нанесла на сосудистое ложе каплю согретого кортексина из флакона Мамы Тони.

Кривая на экране дрогнула, пошла вверх: 50%... 58%... 67%! Пульс выровнялся на ста сорока ударах.

— Держите поле, Смирнова, — тихо сказал Матвей. В его голосе звучало абсолютное доверие. — Начинаю анастомоз. Нить Prolene 9-0.

Толщина стенки пищевода у крохи не превышала трети миллиметра. Края дефекта расходились на четыре миллиметра. Я придвинулась вплотную к плечу Матвея, удерживая микроотсос в доле миллиметра от раны. Сквозь плотную ткань халатов я чувствовала жар его тела и размеренное дыхание. От этой близости посреди смертельной опасности по телу пробежала горячая волна, но руки не дрогнули.

Игла диаметром в четыре миллиметра сшивала слизистую чисто, как шёлк. Первый узел... второй...

И вдруг санитар, менявший ёмкость аспиратора, задел ногой станину микроскопа.

Оптическая ось Leica качнулась. Изображение в окулярах хирурга смазлось в мутное пятно прямо в момент затягивания узла задней губы.

Матвей застыл с нитью в пальцах. Одно слепое движение — и шов прорежет ткань.

— Проклятье! — прошипел он сквозь зубы.

— Не двигайтесь! — шепнула я ему на ухо, прижавшись щекой к его маске. Я смотрела в рану без увеличения, читая анатомию по теням и пульсации. — Глубина раны два и два миллиметра. Пульс стабилен. Левый край свободен. Ведите иглодержатель на себя на полмиллиметра... Стоп. Затягивайте.

Матвей послушался моего голоса беспрекословно. Вслепую, подчиняясь только моему шёпоту и памяти своих пальцев, он завязал два сложнейших узла.

— Оптика на месте! — вернул шарнир анестезиолог.

Все восемь швов микроанастомоза лежали с идеальной точностью. Края пищевода сошлись без натяжения.

— Водная проба, — выдохнул Матвей.

Я заполнила полость тёплым раствором, анестезиолог нагнал воздух через зонд.

Ни единого пузырька. Абсолютная герметичность.

Радов опустил руки. Его грудь тяжело вздымалась.

— Операция окончена. Дренаж полтора френча, послойный шов. Переводим на «Гнездо покоя». Вера Николаевна... браво.

Когда он снял маску, я впервые увидела его улыбку — усталую, но делающую его лицо невероятно красивым.

* * *

Было половина пятого утра. Мгла за окнами дежурной ординаторской начала синеть.

Я сидела на продавленном кожаном диване, откинув голову на спинку. Пальцы мелко дрожали от навалившейся усталости. На экране планшета светился протокол Полины, но строчки расплывались.

Дверь тихо скрипнула.

На пороге появился Матвей. Без хирургической куртки, в расстёгнутой у ворота хлопковой рубашке, с влажными русыми волосами. Он подошёл к столу, сдвинул мой планшет и поставил передо мной большую глиняную кружку с парящим чаем.

— Пейте, — сказал он своим низким басом. — Это приказ ведущего хирурга. Записи подождут.

Я обхватила тёплую керамику ладонями и сделала глоток. Горячий вкус горного чабреца, лимона и дикого мёда разошёлся по жилам, снимая спазм в висках.

— Спасибо. Где вы достали такой чай в стационаре?

— Мама Тоня снабжает, — Матвей усмехнулся и опустился на край стола напротив меня, всего в полуметре. — Считает, что без чабреца детские хирурги долго не живут.

Он помолчал, разглядывая свои широкие ладони — руки кузнеца, способные шить нитью тоньше человеческого волоса.

— То, что вы сделали с её мозгом... — негромко произнёс он. — Это невероятно, Вера. Я ведь... три года назад оперировал точно такого же мальчика. Семьсот двадцать граммов. Двадцать шесть недель.

Его голос стал глухим:

— Я зашил пищевод идеально. Но я был слеп к его мозгу. К утру наступила смерть коры от безмолвной ишемии. Я держал его остывающее сердце в пальцах и проклинал свою беспомощность.

В его серых глазах застыла такая выстраданная боль, что у меня перехватило дыхание. Этот несокрушимый гигант годами нёс груз вины в одиночку.

— Жена собрала чемоданы через неделю после похорон, — усмехнулся он в темноту. — Сказала, что я бесчувственный кусок гранита, у которого вместо сердца скальпель, и что жить со мной — всё равно что спать в морге.

— Она была слепа, Матвей, — сорвалось с моих губ.

Я подалась вперёд и положила ладонь на его горячее предплечье. Мышцы под рубашкой были как стальные тросы.

— У вас огромное, живое сердце. Просто вы отдаёте его тем, кто даже не может сказать «спасибо». Полина выжила благодаря вашим рукам.

Радов вздрогнул. Он медленно повернул лицо ко мне. В его взгляде вспыхнуло такое тепло, что воздух между нами наполнился электричеством. Он накрыл мою ладонь своей рукой, переплетая наши пальцы, и поднёс мою кисть к своей щеке.

Колючая мужская щетина обожгла кожу. Под пальцами на его виске тяжело бился частый пульс. Затем он сместил пальцы на моё запястье, где кровь стучала в бешеном ритме.

— Сто двадцать ударов в минуту, доктор Смирнова, — прошептал он с волнующей улыбкой. — Тахикардия. И это не от чабреца.

— И не от усталости, Матвей Павлович, — выдохнула я.

Он наклонился ближе. Его дыхание коснулось моих губ. Расстояние между нами таяло, стирая все границы...

Внезапно стену сотряс металлический трезвон селектора.

Я отпрянула, чувствуя, как щёки заливают краска. Матвей с глухим стоном досады сорвал трубку:

— Радов слушает!

Из динамика сквозь треск помех раздался тревожный голос Антонины Сергеевны:

— Матвей, бегом в шлюз! У Полины всё стабильно, спит. Но на КПП чертовщина: три чёрных бронированных джипа снесли шлагбаум и на полной скорости несутся к нашему пандусу!

В коридоре завыл багровый маяк тревоги санавиации, а громкая связь проревела:

— Экстренный санрейс из Тюмени! Критический недоношенный, вес до килограмма! Подозрение на сочетанный порок сердца! Бригаде Радова — в приёмный шлюз!

Матвей бросил трубку. Лицо его в секунду закаменело, вернув черты вожака. Он схватил белый халат:

— Смирнова, в шлюз. Нас ждёт война.

* * *

Шлюзовой холл неонатального блока сотрясился от грохота.

Наружные двери распахнулись настежь. В стерильную зону реанимации, не надевая бахил, в мокрых куртках и тяжёлых армейских берцах ворвались четверо охранников в чёрном. Во главе шёл начальник охраны Беркутов — мужчина с бульдожьей челюстью, державший руку под курткой на рукояти пистолета.

Следом стремительно шагал Роман Калинин — сырьевой миллиардер из первой двадцатки Forbes. Дорогое пальто промокло от ливня, лицо было перекошено от ужаса и бешенства. Санитары вкатывали транспортный кувез с задыхающимся мальчиком.

— Всем стоять! — рявкнул Беркутов, отталкивая сестру. — Работает служба безопасности корпорации! Ребёнка не трогать! Мы забираем реанимобиль центра во Внуково-3! Частный джет с бригадой из Цюриха на взлётной полосе!

Я шагнула вперёд, перекрывая проход:

— В уличной обуви сюда вход запрещён! Вы заносите госпитальную флору, которая убьёт детей! Немедленно покиньте шлюз!

Беркутов осклабился:

— Помолчи, соплячка...

Из-за моей спины вырос Радов, закрыв меня своей фигурой, как гранитной стеной:

— Руку от оружия убери, Беркутов. Ты стоишь перед врачами, которые сейчас решают, будет ли жить твой хозяин как отец или завтра пойдёт заказывать детский гроб. Шаг назад. Оба.

Калинин швырнул на пост пачку документов:

— Мне плевать на ваши правила, Радов! Я куплю эту богадельню с потрохами! Мой сын будет лечиться у профессора Вебера в Цюрихе! Если с Артёмом что-то случится — я вас обоих в бетон закатаю! Фельдшер, разворачивай каталку!

— Никуда вы его не повезёте, — раздался мой спокойный голос.

Я уже подкатила к кувету портативный УЗИ-сканер. Микродатчик скользнул по грудке малыша. На экране замелькали срезы:

— Масса девятьсот пятьдесят граммов. Двадцать семь недель. Сочетанная патология: критическая коарктация аорты с гипоплазией дуги и трахеопищеводный свищ. Пульсации на бедренных артериях нет. Кровоток держится только на открытом артериальном протоке!

Калинин сжал кулаки:

— Что ты несёшь?! В самолёте немецкая барокамера! Мы долетим за три часа!

Я повернула монитор доплерографии к лицу магната:

— Смотрите сюда, Калинин! Видите этот перешеек? Это открытый артериальный проток вашего сына. Его диаметр сейчас — ровно один и четыре десятых миллиметра. И он сужается с каждой минутой! При подъёме самолёта на высоту три тысячи метров перепад давления приведёт к закрытию этого сосуда за сорок минут! Левый желудочек наткнётся на глухой тупик коарктации. Вашего сына разорвёт острая сердечная недостаточность прямо в воздухе над Смоленском! Вы довезёте в Швейцарию труп!

Слова упали в тишину, как свинцовые гири.

Миллиардер покачнулся. Вся его спесь, охрана и миллиарды в секунду обратились в пыль перед сосудом диаметром в миллиметр. Лицо Калинина стало пепельным. Он судорожно ухватился за стойку:

— Вы лжёте... Вебер сказал, довезём...

— Вебер сидит в Цюрихе и хочет получить ваш миллион франков, — отрезал Матвей. — А Смирнова говорит правду. Ребёнок нетранспортабелен. Либо начинаем лечение здесь, либо вызывайте ритуальную службу.

Калинин вцепился в лацканы халата Матвея:

— Спасите его... Слышишь, Радов?! Если умрёт — уничтожу! Но если спасёте — просите всё! Любые деньги!

Матвей медленно, палец за пальцем разжал хватку олигарха и стряхнул его руки:

— Нам не нужны ваши подачки. Отойдите от кувета и не мешайте работать.

Я уже вводила иглу инфузомата в венозную линию Артёма:

— Начинаю введение алпростатида. Ноль ноль пять микрограмм на килограмм в минуту. Простагландины удержат проток открытым. Мы выигрываем время.

Мама Тоня подошла к настенному пульту и вдавила клавишу аварийной пневмоблокировки.

Тяжёлые бронированные створки шлюза с шипением сдвинулись перед носом остолбеневшего Беркутова. Стальные ригели с глухим лязгом вошли в пазы дверной коробки, намертво отсекая охрану и олигарха от реанимационного зала.

Мы остались внутри.

За толстым стеклом стоял бледный, сломленный отец, прижавшись ладонью к прозрачной створке.

А в боксе мерно пищал монитор, отсчитывая секунды новой смертельной битвы. Ребёнок был временно стабилен, но впереди нас ждал консилиум, ярость начмеда Дробышева и операция, которую в мире до сих пор не делал никто.

Матвей подошёл ко мне сзади и тихо положил тяжёлую ладонь мне на плечо:

— Теперь держись, Вера. Мы только что объявили войну всей системе. И отступать нам некуда.

Я подняла на него глаза и уверенно сжала его пальцы:

— Мы не отступим, Матвей. Мы заставим это маленькое сердце биться.

Глава

3

Утро в неонатальной палате выхаживания начиналось с косых лучей майского солнца, пробивавшихся сквозь широкие алюминиевые жалюзи. Золотистая пыльца тихо кружилась в тёплом, насыщенном влагой воздухе. Здесь пахло стерильными салфетками, детским гипоаллергенным мылом и тонким ароматом согретого материнского молока.

В центре бокса стоял инкубатор Giraffe Omnibed. Внутри, в мягком хлопковом валике, спала прооперированная Полина. После ночной микрохирургической бури её маленькое тельце отдыхало: мониторы чертили спокойные зелёные синусоиды, сатурация держалась на уровне 96%, а аккуратный шов в четвёртом межреберье был сух и чист.

У прозрачного пластикового колпака сидела её мама, Елена. Молодая женщина казалась призраком: запавшие от слёз глаза, ввалившиеся щёки, искусанные в кровь губы. Она судорожно сжимала ворот больничного халата, боясь даже вздохнуть в сторону кувеза.

— Доктор... я боюсь, — прошептала она, когда я подошла к ней. Голос её дрожал от животного ужаса. — Она же меньше кошачьего котёнка... Вся в проводках, в трубочках. Если я задену... если катетер сдвинется — она умрёт? Я не могу к ней прикоснуться, у меня руки ледяные...

— Посмотрите на меня, Лена, — я опустила перед ней на корточки, беря её холодные пальцы в свои ладони.

Я нанесла на её кожу несколько капель согретого антисептика с лёгким экстрактом лаванды, растирая её кисти, пока они не налились живым теплом. Затем мягко подвела её руки к смотровым силиконовым рукавам инкубатора.

— Ваша дочь пережила операцию века. Но металл и пластик не лечат душу. Незрелый мозг Полины сейчас больше всего на свете нуждается в знакомом шуме: ритме вашего сердца, тепле вашей кожи и звуке вашего голоса. Дети чувствуют страх. Но ещё сильнее они чувствуют любовь. Положите ладонь сюда.

Елена несмело опустила руку на прозрачную стенку. Вибрация сервопривода инкубатора отозвалась в её пальцах. Страх в её глазах начал медленно таять, уступая место робкой надежде.

Я расстегнула боковую панель. Пора было разворачивать протокол раннего выхаживания «Гнездо покоя». Тонкий микрокатетер дренажа средостения натянулся, когда я бережно поправила ножки малышки, приводя их к животу в физиологическую позу внутриутробного эмбриона. Пульсоксиметр на секунду взлетел до ста семидесяти ударов — тактильная тревога. Не теряя секунды, я зафиксировала силиконовую трубку крошечной гидроколлоидной «бабочкой» к дуге десятого ребра, полностью сняв натяжение, и расстегнула сорочку Елены.

— Снимайте халат до пояса, — мягко скомандовала я. — Мы переходим на метод кенгуру. Контакт «кожа-к-коже».

В дверях появился дежурный анестезиолог Макаров, нервно сдвинув очки на лоб:

— Смирнова, вы с ума сошли?! Первые сутки после анастомоза пищевода, восемьсот граммов веса! Вы откроете кувез — температура рухнет за полторы минуты!

— Не рухнет, — отрезала я.

Я бережно извлекла Полину вместе с портативным дыхательным контуром и опустила её крошечное обнажённое тельце прямо на тёплую грудь матери, между ключицами. Сверху накрыла их обеих трёхслойным флисовым термомешком.

Произошло то, что далёкие от онтогенеза клиницисты часто называют чудом: кожный температурный датчик Полины на мониторе не просто не опустился — он плавно пополз вверх: 36,5 °C... 36,7 °C... 36,9 °C! Естественный теплообмен материнского тела сработал точнее любого дорогостоящего сервопривода. Полина уткнулась носиком в ложбинку материнской ключицы, её плечики расслабились, а сатурация замерла на эталонных 98%. Елена зажмурилась, и по её щекам покатались первые горячие, исцеляющие слёзы.

— Нам нужно проверить перистальтику, — шепнула я, доставая стетоскоп. Но металлическая головка остыла на утреннем сквозняке.

В этот момент в проёме палаты бесшумно выросла фигура Матвея Радова. Без халата, в тёмной хирургической куртке, он казался огромным скалистым утёсом в этом нежном царстве материнства. Он молча перехватил головку стетоскопа своей колоссальной ладонью и сжал её на десять секунд, щедро делясь жаром своего тела.

— Слушайте, Вера, — его бархатный грудной бас прозвучал тихо, чтобы не спугнуть покой. — Теперь металл тёплый.

Я приложила оливы к ушам, коснувшись мембраной животика девочки. Полина даже не шелохнулась. А в трубках отчётливо, нежно и радостно заурчала первая перистальтическая волна ожившего кишечника.

— Перистальтика есть! — выдохнула я. — Пищеварительный тракт включился.

Елена попыталась сцедить молоко в стерильную мензурку, но стресс всё ещё сковывал ткани — грудь была твёрдой, как камень, не давая ни капли.

Я опустилась позади кресла и мягкими подушечками пальцев провела фасциальный релиз трапецевидных мышц женщины, одновременно включив через динамик кувеза аудиозапись утробного плацентарного шума. Через минуту в теле Елены сработал мощный окситоциновый отклик — и в пробирку упали первые три миллилитра густого золотистого молозива. Первая живая капля для питания Полины.

Матвей смотрел на меня, не отрывая взгляда. В его серых глазах горело такое обнажённое восхищение, от которого у меня перехватило дыхание.

Мы вместе вышли в коридор и заглянули в соседний бокс № 1. Там, под постоянным контролем двух сестёр, лежал Артём Калинин. Инфузомат мерно подавал алпростадил. Я опустила пальцы на стопу мальчика — пульс на тыльной артерии был мягким, но отчётливым. Проток удерживался открытым. Сердце мальчика справлялось.

Матвей остановился у косяка, преграждая мне путь широким плечом. Он наклонился так близко, что я почувствовала тепло его дыхания:

— Вы творите невозможное, Вера... Вы возвращаете им право быть любимыми.

Он помолчал, разглядывая моё уставшее лицо, и добавил с непривычной мягкостью:

— Снимайте халат. Мы идём в сквер. Это не обсуждается.

* * *

Воздух в больничном сквере пьянил. Майское солнце заливало аллеи ослепительным золотом, сквозь изумрудную зелень вековых лип проглядывали белоснежные шапки цветущих яблонь. Пахло смолистыми клейкими почками и влажной оттаявшей землёй.

Я медленно шла по гравийной дорожке, чувствуя, как от бессонной ночи наливаются свинцом колени. Я хотела только одного — поймать машину и упасть на кровать в своей съёмной однушке.

Сзади раздались тяжёлые, упругие шаги.

Матвей нагнал меня в два счёта. Он сменил медицинскую форму на грубый серый свитер ручной вязки и потёртые джинсы, и в этой обычной одежде его богатырская стать казалась ещё внушительнее. Без лишних церемоний он забрал у меня из рук тяжёлый кожаный портфель с выписками:

— Спать будете позже, доктор Смирнова. Ваши лёгкие забиты парами спирта. Сначала живой воздух.

Он увлёк меня в глубину старой липовой аллеи, к чугунной беседке у сухого фонтана. Стоило нам сесть на чугунную скамью, как резкий северный сквозняк заставил меня передёрнуть плечами от озноба.

Матвей немедленно пересел на край скамьи с наветренной стороны, буквально закрыв меня своей широкой спиной, как щитом. Из брезентовой сумки он извлёк массивный металлический термос:

— Пейте. Мама Тоня с утра заварила.

Он налил в металлическую крышку густой, ослепительно оранжевой настой. Пар пахнул облепихой, острым имбирём, бадьяном и луговым мёдом. Первый же глоток обжёг горло живительным теплом, снимая тупую головную боль в затылке.

— Какой потрясающий вкус... — я блаженно прикрыла глаза, прислонившись плечом к его шерстяному рукаву. — Откуда у неё эти рецепты?

— С Урала, — усмехнулся Матвей, глядя в кружащиеся лепестки. — У нас в Златоусте без облепихи и шиповника зиму не переживёшь. Отец мой сорок лет в заводской кузнице отпахал. Руки были как тиски. Он всегда говорил: железо ласку любит, а раскалённая сталь слушает только спокойную руку. Если психуешь — заготовку заporешь.

— А моя бабушка была пианисткой в консерватории, — тихо отозвалась я, согревая ладони о термос. — Она сажала меня за инструмент, закрывала клавиши шёлковым платком и заставляла играть вслепую. Говорила: пальцы должны не давить, они должны слышать вибрацию деки. Кажется, нас учили одному и тому же, Матвей.

— Одному, — согласился он, и в его голосе прозвучала редкая, мальчишеская нежность.

Порыв ветра сорвал с ветки облако лепестков яблони и бросил непокорную прядь моих тёмных волос прямо мне на лицо. Я попыталась сдуть её, но Матвей медленно поднял руку.

Его пальцы — тёплые, с лёгкой шероховатостью на подушечках — бережно коснулись моей щеки, убирая прядь за ухо. Это прикосновение длилось всего долю секунды, но по моей коже пробежала такая сладкая, обжигающая волна, что сердце замерло. Наши глаза встретились. В воздухе повисла звенящая тишина.

— Матвей... — тихо позвала я, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Почему вы закрылись от всех? То, что говорила Мама Тоня про ваш развод...

Радов помрачнел, глядя на свои сцепленные пальцы:

— Жена ушла через неделю после того, как умер тот семисотграммовый мальчик. Сказала на прощание, что я эмоциональный труп. Что со мной страшно, потому что для меня мёртвый ребёнок на столе важнее живой женщины в постели. И что у меня вместо сердца хирургический атлас.

— Она была слепа, — твёрдо сказала я, повернувшись к нему всем телом. — Ты не бесчувственный, Матвей. Ты просто берёшь на себя чужую боль без остатка. Ту боль, от которой другие бегут.

Матвей шумно выдохнул, словно с его груди свалилась вековая гранитная плита. Он посмотрел на меня с такой немой благодарностью, что у меня перехватило дыхание.

— Нам нужно решить, что делать с Артёмом Калининым, — тихо произнесла я, возвращаясь к главной тревоге. — На алпростадиле мы только выигрываем время. С каждым днём риск отёка лёгких растёт. А стандартные синтетические протезы аорты Gore-Tex при его весе в девятьсот пятьдесят граммов затромбируются за сутки. Нужен живой пластический материал, который не отторгается и способен расти.

Матвей вдруг вскинул голову. В его глазах вспыхнула догадка:

— Атлас Бакулева. 1982 год. «Атлас детской ангиохирургии». Личный экземпляр моего академического наставника с его пометками на полях. Он хранится у меня дома в библиотеке.

— Где вы живёте?

— На Ленинском проспекте. В десяти минутах ходьбы отсюда. Пойдём, Вера. Я должен показать тебе эти чертежи.

Я посмотрела в его честные, горящие глаза и без тени сомнений поднялась со скамьи:

— Идём, Матвей.

Глава

4

Квартира Матвея встретила нас тишиной и запахом старой библиотеки.

Это был монументальный сталинский дом со шпилем и гранитными колоннами. Внутри царил дух старой московской интеллигенции: высокие трёхметровые потолки с лепными розетками, тёмный дубовый паркет-ёлочка, начищенный до мягкого блеска, и ряды книжных стеллажей от пола до потолка. Пахло зерновым кофе, книжной пылью и едва уловимым мужским сандалом.

Я замерла в просторной прихожей, внезапно смутившись. Это было строго мужское, уединённое пространство человека, который никого не впускал в свой замок.

Матвей бережно снял плащ с моих плеч, повесил его на дубовую вешалку и поставил передо мной пару мягких тапочек из овечьей шерсти:

— Проходи, Вера. Не бойся. Здесь тихо. Ты первая женщина, которая переступила этот порог за три года.

Моё смущение мгновенно растаяло, сменившись глубоким чувством покоя.

— Сначала кофе, — безапелляционно заявил он, увлекая меня на просторную кухню. — Мозг без глюкозы анатомию не воспринимает.

Он достал увесистую медную турку, насыпал свежемолотые зёрна тёмной обжарки, бросил туда пару раздавленных коробочек кардамона и поставил на песок. На деревянной доске ловко нарезал тонкие пластинки сыра и свежий багет. Когда он протянул мне чашку, первый же глоток густого, смолистого напитка разогнал последние следы усталости.

Мы перешли в гостиную с широким эркером.

— Вон он, на верхней полке, — Матвей указал на массивный кожаный фолиант в самом верху шкафа.

Он подошёл ко мне сзади, чтобы достать книгу. Полка была высоко, и в момент, когда он потянулся за томом, его широкая грудь мягко коснулась моей спины. Я замерла. Жар его сильного тела сквозь тонкую ткань моего платья ощущался так явственно, словно между нами не было никакой преграды. Его подбородок оказался у самого моего виска.

Сердце застучало с удвоенной силой. Матвей медленно опустил руку с тяжёлой книгой, но не отодвинулся. Секунду мы стояли неподвижно, слушая дыхание друг друга.

— Пойдём на диван, — тихо, чуть хрипло произнёс он.

Мы сели рядом на широкий кожаный диван, раскрыв атлас прямо на коленях. Страницы пожелтели от времени, чертежи были выполнены вручную тушью.

— Смотри, — Матвей указал пальцем на схему коарктации аорты. — Прямой анастомоз «конец-в-конец» невозможен: диастаз между сегментами дуги больше полутора сантиметров. Натяжение разорвёт ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.